

Один из конфликтов происходил на моих глазах — киностудия «Мосфильм» заказала ему сценарий по роману «Три минуты молчания», выдала аванс. Сценарий был сделан в срок, но чиновники потребовали доработок — срезать острые углы, пригладить персонажей. Владимов, разумеется, отказался. Аванс решили изымать через суд, приехали мебель описывать... И подобных случаев было сколько угодно. Его почти не печатали, имя перестали упоминать. Угрозы постепенно становились все более жестокими...»

Вот так, уважение к своим героям в мелочах, в деталях не позволило предать их в главном — в праве личности на самоопределение. Свой роман «Три минуты молчания» Владимов, по его собственным словам, выстрадал боками и шкурой, сначала плавая матросом-рыболовом по трем морям Атлантики — Баренцеву, Норвежскому, Северному, затем, когда всю меру правды, которую там постиг, попытался втиснуть в романную форму. Это был его последний роман, напечатанный в «Новом мире» Александром Твардовским. Последствия публикации таковы — по всей стране прокатились залпы критических батарей: «В кривом зеркале», «Ложным курсом», «Разве они такие, мурманские рыбаки?», «Такая книга нам не нужна!», «Кого спасаете, Владимов?»..»

Что ж, так уж у нас водится — правда и честность обязательно берутся под прицел политической стрельбы.

Вот почему я опасаясь, что сегодня Владимова разыграют, как козырную карту в какой-нибудь новой политической игре. Место в обойме — не для него. Лучше повнимательнее в книги вчитаться.

По первому взгляду все его герои — борцы: шофер Пронякин борется за большую руду, матрос Сеня Шалай за сеledку. Но повременим причислять их к застрельщикам перестройки: они не метят в правофланговые, чем мне и дороги. Сеня Шалай наставляет салаг — «Моряк должен быть всегда вежлив, тщательно выбрит и слегка пьян», — но вряд ли это из кодекса строителей светлого будущего, не так ли? Да

и какой идеал из Сени? Спустил на берег привезенные из прошлого рейсы рубли, побил стекла в чужом доме на почве любовных переживаний, загремел в участок и, спасаясь от последствий, отчалил в новое плавание. А там, в море, сражался со штилем — за план, с течением Гольфстрим — за жизнь, а по сути-то сражался с собой — за человека, но никак не с абстрактными «машинными подавлениями» и «административно-командной системой». Чудища эти все-таки имеют конкретное выражение — постная чиновничья физиономия выглядит! А что можно супротив предложить? Простые в общем-то вещи — честность, верность, порядочность. Все это либо есть в человеке, либо отсутствует. Уводит Владимов жизнь из-под идеологического пресса, переносит в другое измерение. И даже в «Верном Руслане» — повести о сталинских лагерях — не рассуждают о политике. Клеймить верховные власти (что на Руси всегда в моде) — на самом деле самый простой и наваристый способ самоуспокоения. Куда сложнее пробуждать в человеке то, что подмято, втоптанно, загнано в самое подполье души.

...Перед смертью герои Владимова пытаются вспомнить самое важное в прожитом. Шоферу Пронякину поначалу видится бесконечная дорога, заменившая ему память. А караульный пес по кличке Руслан вспоминает «дни, — почти одинаковые, как опорные колья проволок, как барачные ряды, — его караулы, его колонны, погони и схватки», и «всюду он был узник — на поводке ли, без поводка, — всегда не свободен, не волен». Но, отмотав скучные годы службы, они отыскивают главное. Пронякин — огромный день, в котором он познакомился в пристанционном буфете с будущей женой. Руслан — синеву неба той поры, когда у него не было Хозяина. Вот что цену имеет! Лишь изредка мы понимаем смысл обыкновеннейших чувств и поступков, которым в наших преysкурантах отведено скромное место. Но снова добровольно лезем в ошейник догм и теорий. Снова делим историю исключительно по политическим признакам — «казарменный социализм», «коттепель», «застой». Не умещается жизнь в эти загоны!

Да, с ними проще, понятнее. Зато и расплата за каждую новую смену декораций все тяжелее. А мы, прилипнув к газетным стендам, восторгаемся подобранным официальным слогом — мол, нет былого привкуса деспотии — и все будущие успехи и неудачи заранее связываем с высочайшими решениями. Мы насквозь пропитаны идеологией! В нас вечная готовность № 1 — подставить голову под завинчивающий гайки ключ. Мы ловим каждое слово, каждый жест с трибуны, видя только в нем руководство к действию или бездействию!

Когда наконец очнемся от гипноза «лозунгов дня»? Оглядеться бы по сторонам, расслоиться на отдельные лица — одухотворенные или бездуховные, но свои, какие есть? По крайней мере, каждому так проще будет оценить себя. Иначе всей смелости хватит только на переливку бюстос...

По мере сил об этом и напоминают уже несколько десятков лет большие писатели. В том числе и Владимов.

...Говорят, что для заключенных в зоне самой дефицитной вещи считалось зеркало. Человека, который забыл свой человеческий облик, забыл себя, проще всего превратить в покорного раба, выполняющего любые прихоти надсмотрщиков. Это любой психолог объяснит.

Если задаться целью превратить весь народ в послушное, безропотное стадо — надо первым делом лишить его своего отражения. А поскольку человечество других зеркал, кроме литературы и искусства, пока не изобрело — их-то и следует занавесить или выставить за порог.

На четверть века опоздал к читателю «Верный Руслан». До сих пор изъят из широкого обращения книги Георгия Владимова, заточены в спецхраны сотни произведений других писателей. Поэтому-то не испытываю я особого восторга по поводу их дозированного возвращения. Задним числом дела не поправишь. Они уже не сделали то, что могли сделать, их отсутствием, вынужденным молчанием обездолено уже несколько поколений. Возвращение к себе — путь и дольше, и мучительнее, чем уход...

Игорь Мартынов.